

Дискуссионная трибуна

У истоков «холодной войны» в Северо-Восточной Азии: всегда ли Громыко говорил «нет»

© 2014

В. Петровский

Статья посвящена неоднозначным трактовкам исторических уроков Второй мировой войны в Азии и на Тихом океане, а также Корейской войны 1950–1953 гг. Автор полагает, что объективная, компромиссная оценка исторических фактов поможет достижению примирения и согласия между странами и народами Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, мирный договор Сан-Франциско, Корейская война, территориальные споры, биполярное противостояние, исторические уроки Второй мировой войны.

*Мои «нет» они слышали гораздо реже, чем я их «ноу»
Андрей Громыко*

Обострение ситуации вокруг Корейского полуострова в марте—апреле 2013 г., новые санкции Совета Безопасности ООН против ракетно-ядерной программы КНДР, ответное заявление Пхеньяна о выходе из Соглашения о перемирии в Корейской войне. Массовые волнения и антияпонские погромы в Китае в августе 2012 г., связанные с фактом высадки группы японских граждан и водружения японского флага на спорных островах Дяоюйдао (Сенкаку). Демонстративный визит на спорные острова Токто (Такэсима) президента РК Ли Мен Бака и резкое обострение японо-южнокорейских отношений...

Вот лишь некоторые недавние свидетельства того, что нестабильная ситуация в Северо-Восточной Азии (СВА), наличие неразрешенных территориальных споров и конфликтов, отсутствие механизмов региональной безопасности и сотрудничества уходят корнями в события новейшей истории второй половины XX в. и обусловлены связанными с ними историческими и геополитическими противоречиями.

Лишь сейчас, в нашу постбиполярную эпоху, когда ООН получает настоящие возможности для работы в соответствии со своим Уставом, мы можем реально оценить смысл и содержание конфронтационной политики времен «холодной войны», ее опасность и ущербность. Западная пресса и историография рисуют образ неуступчивой советской дипломатии, которая якобы и создавала послевоенные тупики и ловушки «холод-

ной войны» в США и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ее собирательным образом стал министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, прозванный за твердую позицию на переговорах «мистер нет».

Так ли это? Исторические уроки Второй мировой войны на Тихом океане и Корейской войны 1950–1953 гг. до сих пор должным образом не извлечены, и это препятствует налаживанию отношений добрососедства и сотрудничества между странами региона. Более того, различная и подчас противоположная трактовка исторических, геополитических и международно-правовых последствий окончания Второй мировой войны на Тихом океане породила неразрешенные по сию пору территориальные конфликты между странами региона.

Вернемся в середину 1940-х. Война в Азии и на Тихом океане завершена, японский милитаризм повержен. Державы-победительницы, формируя послевоенный мировой порядок, создали ООН как механизм согласования своих интересов и инструмент коллективного международного действия. Но различная трактовка политического и международно-правового оформления окончания войны породила (и подпитывает сейчас) территориальные споры между КНР и Японией, Японией и Республикой Корея, японские территориальные претензии к России по Южным Курилам и некоторые другие кризисные и конфликтные ситуации в регионе.

Ведь послевоенный порядок в Восточной Азии изначально складывался не так, как в Европе, где установилась Ялтинская система международных отношений. Достигнутые в ее рамках политические договоренности, касающиеся Азии и Тихого океана, так и не были реализованы в условиях разгоравшейся «холодной войны» и конфронтации Востока и Запада.

«К 1951 году, когда был подписан мирный договор с Японией, предварительно согласованные параметры ялтинских соглашений по Восточной Азии уже были разрушены, не успев стать реализованными, — отмечает Кими Хаара. — В то время как Германия оказалась единственной разделенной страной в Европе, в Восточной Азии «холодная война» разделила сразу несколько стран и народов. Сан-Францисский мирный договор сыграл критически важную роль в создании новых проблем с границами, не обозначив их точно и окончательно, посеяв в регионе семена «неразрешенных проблем»¹.

Процесс подготовки и подписания договора был отмечен ожесточенным и бескомпромиссным противостоянием великих держав — бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Ценности и интересы коллективного действия были принесены в жертву эгоистически понимаемым национальным интересам.

Как неоднократно констатировали советские и российские историки, каково-либо обсуждение и внесения поправок в составленный Вашингтоном и одобренный Лондоном текст договора не допускалось. «Для того чтобы, проштамповать англо-американскую заготовку, был подобран состав участников подписания, в основном из стран проамериканской ориентации. Было создано «механическое большинство» из стран, с Японией не воевавших. В Сан-Франциско приглашались представители 21 латиноамериканского, 7 европейских, 7 африканских государств. Страны же, много лет сражавшиеся с японскими агрессорами и больше всех пострадавшие от них, на конференцию допущены не были. Не получили приглашения КНР, КНДР, ДРВ, Монгольская Народная Республика»².

Советская дипломатия активно пыталась противостоять такому ходу событий. Как подчеркивается, например, в Докладной записке министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского И.В. Сталину от 12 августа 1951 г., «советское правительство сообщает правительствам США и Великобритании, что оно исходит из того, что повестка дня должна предусматривать не только выступления делегаций с речами и заявлениями, как это указывается в повестке дня, но должна также предоставить любой принимающей участие в конференции делегации возможность внести свои предложения или проекты

по вопросу о мирном договоре с Японией. Само собой разумеется, что на конференции нашей делегацией будет поставлен вопрос об обязательном приглашении представителей КНР, без участия которых не может быть заключен мирный договор с Японией».

При этом особо подчеркивалось, что "договор должен предусматривать разрешение территориальных вопросов на основе Каирской, Потсдамской деклараций и Ялтинского соглашения, а именно: а) возвращение Китаю острова Тайвань (Формоза), Пескадорских островов; б) возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов, а также передачи Советскому Союзу Курильских островов»³.

Советская сторона предложила внести в текст договора ряд поправок и изменений. Несмотря на то, что по ряду пунктов эти поправки к договору были некоторыми участниками конференции поддержаны, советские предложения не были даже поставлены на обсуждение. В виду таких серьезных разногласий со вчерашними союзниками советская делегация вообще отказалась от подписания Сан-Францисского мирного договора и покинула конференцию.

Некоторые отечественные историки и эксперты расценили это как фатальную дипломатическую ошибку. «Для Советского Союза, безусловно, было важно окончательно решить территориальный вопрос в отношении с Японией, но, по мнению советских официальных лиц, еще более значительным казалось *"использовать Сан-Францисскую мирную конференцию для разоблачения политики Соединенных Штатов и разъяснения мировой общественности позиции Советского Союза"*, — подчеркивает, например, С.В. Чернявский. — Какими бы мотивами не руководствовалось тогдашнее руководство Советского Союза, отказавшись от подписания Сан-Францисского договора (1951), по нашему мнению это был крупный просчет советской дипломатии»⁴.

Причины отказа советской делегации подписать договор подробно излагались в выступлении главы делегации А.А. Громыко. Позднее в своих мемуарах, написанных уже после выхода на пенсию, Н.С. Хрущев назвал отказ СССР подписать договор большой ошибкой, сделанной по вине И.В. Сталина⁵.

В свою очередь, это мнение Н.С. Хрущева кажется специалистам по истории международных отношений далеко не бесспорным. Как полагает, в частности, М.А. Мунтян: «Это очередное «нет» сталинской дипломатии и у нас в стране, и за рубежом нередко характеризуется как ошибка. Так оценивал это событие в своих мемуарах Н.С. Хрущев. И понятно, ведь именно он подписал Московскую декларацию, признававшую правомерность притязаний Японии на 2 из 4-х островов Южных Курил; именно он сумел рассориться с китайским руководством, сведя близкое союзничество двух стран к минимальным межгосударственным отношениям. Но *считать, что это «большая ошибка», и только «ошибка» было бы еще большей ошибкой и можно лишь в случае, если вырвать связанные с японским мирным договором события из региональных и глобальных международных отношений* (курсив авт.), то есть:

- закрыть глаза на возникновение КНР и КНДР и предгрозе «корейской войны»;
- не видеть, что союз с Китаем, КНДР и ДРВ стал одним из серьезнейших факторов советской сверхдержавности;
- не признавать, что США нуждались в военных базах на японских островах для сдерживания континентальных евразийских гигантов;
- не учитывать, что все акторы развертывавшейся в данном случае политической драмы действовали в рамках тогда существовавших правил и принципов, и за каждым из них стояла «своя правда»⁶.

Нельзя не согласиться с тем, что региональный и глобальный международный контекст исключительно важен для взвешенной и объективной оценки действий советской дипломатии, связанных с подготовкой и подписанием Сан-Францисского мирного договора. Как полагает С.В. Чернявский, катализатором его подписания стала война в

Корею (1950–1953). Именно она вынудила Японию и США пересмотреть свои послевоенные взаимоотношения. Для Соединенных Штатов в тот момент было исключительно важным заставить Японию следовать в русле той политики, которую они проводили на Дальнем Востоке, сделав ее, по сути, своим главным союзником в этом регионе⁷.

Однако, как отмечают авторитетные историки и эксперты, Соединенные Штаты стремились к усилению своего военного присутствия в Японии изначально, еще до того, как разразилась Корейская война, и начался процесс подготовки Сан-Францисского мирного договора. Профессор Р. Дингман, подчеркивал в частности, что «Вашингтон и Токио решили сделать американское военно-морское присутствие в Японии ключевым элементом Сан-Францисской системы еще до начала Корейской войны. В каком-то смысле, она стала удобным фиговым листком, который помог скрыть решения, принятые правительствами обеих стран ранее»⁸.

Тем не менее, Корейская война коренным образом изменила геополитическую ситуацию не только в Азии, но и во всем мире. Она стала первым серьезным испытанием на прочность для только что созданной державами-победительницами Организации Объединенных Наций. В условиях разгоравшейся «холодной войны», которая чуть было не переросла в войну горячую, мировую, с применением оружия массового уничтожения, великие державы, отбросив взаимные обещания, пережили сильнейший соблазн действовать исключительно во имя своих интересов и амбиций, в ущерб логике компромисса и коллективного действия.

В Каирской декларации 1943 г. державы-победительницы заявили, что в будущем «Корея станет свободной и независимой». США и СССР согласились, что Корея будет разделена по 38-й параллели на северную и южную зоны с целью более эффективной капитуляции японской армии. В августе 1945 г. советские войска вошли в Корею. Американские вооруженные силы высадились на юге Кореи в сентябре 1945 г.

Положение в Корею стало предметом обсуждения на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. Согласованный проект послевоенного устройства Кореи, в частности, предусматривал:

«1. В целях восстановления Кореи как независимого государства, создания условий для развития страны на демократических началах и скорейшей ликвидации пагубных последствий длительного японского господства в Корею создается Временное Корейское Демократическое Правительство, которое будет принимать все необходимые меры для развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства Кореи и национальной культуры корейского народа.

2. Для оказания содействия образованию Временного Корейского Правительства и для предварительной разработки соответствующих мероприятий создать совместную Комиссию из представителей командования американских войск в Южной Корею и командования советских войск в Северной Корею»⁹.

20 марта 1946 г. в Сеуле совместная Советско-американская комиссия приступила к подготовке рекомендаций относительно состава временного демократического правительства путем консультаций с демократическими организациями Кореи и к разработке мер помощи и содействия политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа. Трудности в работе комиссии возникли сразу же, как только встал вопрос о выборе конкретных организаций для консультаций, — слишком разными были представления у СССР и США о демократии. В конечном итоге работа комиссии зашла в тупик, и Соединенные Штаты вынесли корейский вопрос на рассмотрение ООН.

Именно это можно считать точкой отсчета по-настоящему серьезных российско-американских противоречий по поводу будущего Кореи. ООН становилась не более чем площадкой для выяснения советско-американских отношений (и не только по поводу Кореи).

В мае 1948 г. под наблюдением Временной комиссии ООН на Юге Кореи проведены парламентские выборы (СССР отказался допустить представителей комиссии на Север Кореи). В Южной Корее созывается Национальная ассамблея, принимается Конституция, 20 июля президентом страны избирается Ли Сын Ман. 15 августа 1948 г. в Сеуле провозглашена Республика Корея. Полномочия военной администрации США прекращены.

В эти же месяцы северокорейские коммунисты под патронажем СССР провозглашают свою государственность. 10 июля 1948 г. Временный народный комитет одобряет проект конституции. В сентябре Верховная народная ассамблея провозглашает создание Корейской Народно-Демократической Республики со столицей в Пхеньяне. Новое государство претендует на власть на всей территории Кореи. Премьер-министром назначен Ким Ир Сен.

Обратим внимание, что данные события разворачиваются на фоне резкого обострения советско-американских отношений. Эскалация «холодной войны» диктует свою логику: сталинская дипломатия берет курс на стычки и конфликты с Западом по всему спектру отношений. Так, 25 августа 1948 г. СССР разрывает дипломатические отношения с США, заявив, что американские власти насильно удерживают у себя двух советских учителей (США, в свою очередь, сообщают о том, что педагоги решили остаться добровольно).

12 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН признает правительство Южной Кореи в Сеуле законным правительством Кореи и рекомендует вывести оттуда оккупационные войска. 25 декабря 1948 г. Советский Союз заявляет о том, что вывел свои войска из Северной Кореи. При этом обе сверхдержавы продолжают наращивать свое присутствие на Корейском полуострове, а взаимный антагонизм двух корейских режимов лишь нарастает.

В таких условиях прямое столкновение Севера и Юга Кореи становится лишь вопросом времени. В июне 1950 г. начинается Корейская война. Днем 25 июня (по нью-йоркскому времени) по просьбе США для обсуждения корейского кризиса собрался Совет Безопасности ООН, который принял резолюцию с требованием немедленно прекратить военные действия и вывести северокорейские войска с территории к югу от 38-й параллели. Через два дня, 27 июня, Совет Безопасности принял вторую резолюцию, призвавшую «членов ООН предоставить Корейской Республике любую необходимую помощь для отражения вооруженного нападения и восстановления мира и безопасности в регионе». 7 июля 1950 по решению СБ ООН сформировалось объединенное командование войсками ООН в Корее во главе с США.

Последним шагом по солидаризации действий ООН стало принятое 7 июля Советом Безопасности предложение странам, предоставившим свои воинские контингенты и иную помощь, передать их под общее командование во главе с США. В резолюции содержалась также просьба к США назначить командующего объединенными силами и разрешалось использование флага ООН в операциях против северокорейских войск.

8 июля президент Трумэн назначил командующим вооруженными силами ООН в Корее генерала Дугласа Макартура, героя войны против Японии на Тихом океане. Помимо американских сил, составивших более 90% от общей численности войск ООН, в их состав свои вооруженные силы направили 16 государств, а 5 — медицинские подразделения.

Эти решения Совета Безопасности ООН до сих пор расцениваются как неправомерные в России, КНР и КНДР. Историки и специалисты по международному праву оспаривают их легитимность и статус: Постоянный представитель СССР при ООН Я.А. Малик в то время бойкотировал заседания Совета Безопасности и не смог воспользоваться своим правом вето.

Это весьма поучительная страница истории международных отношений. 13 января 1950 г. Совет Безопасности ООН отвергает требование СССР исключить представителей китайских националистов (остров Формоза, ныне Тайвань) из ООН. В ответ советская делегация бойкотирует заседания ООН в течение 8 месяцев (до 1 августа). Это дает повод автоматически зачислять все решения Совета Безопасности, принятые в тот период, в разряд не законных. Как указывают некоторые источники, решение о бойкоте принял лично И. Сталин, проигнорировав возражения министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского и его первого заместителя А.А. Громыко.

Различные толкования Устава ООН, действительно, дают повод ставить под сомнение вышеуказанные резолюции СБ ООН по Корее. Некоторые специалисты отмечают, что правомерность принудительных действий государств не оспаривается при наличии явно выраженного согласия Совета Безопасности. Проблемы возникают в случаях, когда этот орган ООН не может действовать из-за разногласий между его членами. Манипулируя призывом сделать хоть что-нибудь, государства ссылаются на бездействие или недостаточную эффективность мер, предпринимаемых Советом, как на основание для деятельности по решению других органов ООН, индивидуальной либо коллективной самообороны.

В этом смысле, полагает, например, Е. Довгань, резолюция 83(1950) от 27 июня 1950 г.: «[Совет Безопасности] рекомендует государствам-членам ООН предоставить Корейской Республике *ту помощь, которая может оказаться необходимой* для восстановления в этом районе международного мира и безопасности» — носит рекомендательный характер и не может считаться санкцией на обеспечение странами ее исполнения.

Однако, заключает тот же автор, цели резолюции 83(1950) уточняются в резолюции 84 (1950) от 7 июля 1950 г., которая призывает государства оказать помощь Корейской Республике в ее обороне против вооруженного нападения, т.е. данный документ свидетельствует о признании правомерности коллективной самообороны¹⁰.

Среди российских корееведов и специалистов по международным отношениям преобладает сдержанно-скептический подход к оценке действий ООН после начала Корейской войны. Как полагают авторы отечественной монографии «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории», с принятием резолюции СБ ООН № 83 «создавалась международно-правовая зацепка для создания многосторонних формирований... Хотя такое решение противоречило в принципе Уставу ООН». По их мнению, резолюции Совета безопасности № 84 и 85 «завершили форсированный процесс правовой интернационализации Корейской войны».¹¹

27 июля 1953 г. в местечке Пханьмыньжон вблизи 38-й параллели было достигнуто соглашение о прекращении огня. Корея оказалась разделена по 38-й параллели на Корейскую Народно-Демократическую Республику и Республику Корея. Не прошло, однако, и двух недель после подписания Соглашения о перемирии, как логика «холодной войны» все-таки взяла свое. Государственный секретарь США Даллес и военный министр Стивенсон вылетели в Сеул и заключили 8 августа 1953 г. Договор о взаимной обороне между США и Южной Кореей, который официально был подписан в Вашингтоне 1 октября 1953 г. и ратифицирован в январе 1954 г. Договор закреплял на постоянной основе присутствие в Южной Корее американских войск и их право на проведение военных действий против Северной Кореи.

На состоявшемся в апреле-июле 1954 г. Женевском совещании министров иностранных дел СССР, КНР, США, Великобритании и Франции по мирному урегулированию в Корее и восстановлению мира в Индокитае был рассмотрен предложенный правительством КНДР план восстановления единства Кореи и мирного урегулирования корейского вопроса. Он предусматривал проведение под наблюдением комиссии из представителей Северной и Южной Кореи свободных выборов в общекорейское Национальное собрание, которое должно было образовать единое правительство Кореи, вывод из Кореи

всех иностранных войск, принятие на себя государствами, наиболее заинтересованными в поддержании мира на Дальнем Востоке, обязательств по обеспечению дальнейшего мирного развития Кореи. В поддержку плана КНДР выступили СССР и КНР. Однако план был отвергнут США и их союзниками, которые продолжили курс на укрепление своего контроля над Южной Кореей¹².

Соглашение о перемирии до сих пор служит единственной опорой мира и стабильности на полуострове, оно определяет режим условной границы, проходящей по 38-ой параллели демилитаризованной зоны (ДМЗ) между Севером и Югом. Но уместно ли сводить роль ООН лишь к поддержанию статус-кво? Исторический опыт показал, что присутствие Командования сил ООН в Корее не способствует реальному снижению напряженности и фиксирует парадоксальную ситуацию участия Организации Объединенных Наций в войне против одного из своих членов.

В период «холодной войны» любые усилия ООН в рамках миротворчества и конфликтного урегулирования были, по сути дела, обречены на неудачу из-за биполярного противостояния и силовой политики вовлеченных в конфликт держав. Постбиполярная эпоха открывает перед ООН новые возможности по урегулированию межкорейского конфликта и диктует новые «правила игры». Мирный договор (или другой документ, который рано или поздно заменит Соглашение о перемирии 1953 г.), должен окончательно подвести историческую черту под прошлым и принести на Корейский полуостров мир, доверие, взаимопонимание и сотрудничество.

Возвращаясь к периоду второй половины 1940-х — первой половины 1950 гг., уместно напомнить, что СССР всемерно поддерживал своего союзника, Китайскую Народную Республику, и в дипломатических баталиях на трибуне ООН, и на полях сражений Корейской войны. Вступление КНР в войну в октябре-ноябре 1950 г. дало повод Вашингтону категорически выступить против признания КНР, несмотря на все попытки Лондона (который признал КНР через три месяца после ее образования) убедить своего американского союзника сделать это.

Лейбористский кабинет К. Эттли также пытался убедить администрацию Дж. Трумэна согласиться на участие КНР в Сан-Францисской мирной конференции. Глава Форин офис Г. Моррисон одобрил предложение правительства Канады о том, что Пекин мог бы присоединиться к договору позднее, в более удобный момент. С госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом обсуждался также вопрос о возможном присоединении к договору и КНР, и гоминьдановского правительства¹³.

Общая позиция СССР и КНР в этом вопросе была зафиксирована в Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи. Стороны договорились «в порядке взаимного согласия добиваться заключения в возможно более короткий срок совместно с другими союзными во время Второй мировой войны державами мирного договора с Японией». При этом предусматривалось, что стороны будут едины в стремлении «воспрепятствовать возрождению японского империализма и повторению агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которое бы объединилось с Японией в актах агрессии»¹⁴.

Справедливости ради следует отметить, что в отличие от ситуации с отказом СССР от участия в работе Совета Безопасности ООН в знак протеста против нежелания его членов исключить из своего состава представителей гоминьдановского правительства, заменив их представителями КНР (что и дало формальную возможность Совбезу ООН утвердить внесенную США резолюцию об участии сил ООН в Корейской войне), в дипломатических переговорах по поводу Сан-Францисской мирной конференции Москва проявила достаточную гибкость. Это опровергает расхожий миф западной историографии о «тотальной неуступчивости» советской дипломатии по всем вопросам.

Так, в упомянутой ранее Докладной записке А.Я. Вышинского И.В. Сталину советской делегации предлагалось сначала внести на рассмотрение конференции свой про-

ект мирного договора с Японией — и только после отказа принять его к рассмотрению «предложить отложить конференцию на три месяца, поручив Совету министров иностранных дел (СМИД) в составе представителей СССР, США, Китайской Народной Республики и Великобритании с привлечением к этому делу всех стран, активно участвовавших в войне против Японии, рассмотреть все имеющиеся проекты мирного договора и подготовить в трехмесячный срок новый проект мирного договора с Японией, который должен полностью отвечать принципам Каирской, Потсдамской деклараций и Ялтинско-му соглашению».

По истечении этого срока предлагалось созвать новую конференцию для рассмотрения подготовленного СМИД проекта мирного договора с Японией, на которой должны были быть представлены все страны, участвовавшие в войне с Японией и пострадавшие от японской агрессии¹⁵. Как не вспомнить здесь высказывание Андрея Громыко, вынесенное в эпиграф? Предлагавшаяся тогда дипломатическая стратегия даже по нынешним временам, не отмеченным печатью биполярного противостояния, выглядит вполне разумной и оправданной...

Для России главная проблема наследия, оставленного Сан-Францисским мирным договором, состоит в том, что он проводил границы государств по итогам Второй мировой войны, но не определил государственной принадлежности Курильских островов и географических пределов территорий, от которых отказалась Япония: «Вначале США собирались подтвердить на конференции Ялтинские соглашения и признать передачу Советскому Союзу всех Курильских островов. Позже американская позиция изменилась, и было решено зафиксировать в договоре лишь отказ Японии от прав на эти острова при сохранении неопределенности в вопросе их принадлежности. Полагаем, что *эта ловушка была расставлена сознательно, и она сработала — СССР в нее попал*» (курсив авт.), — полагает С.В. Чернявский¹⁶.

Показательно, что при обсуждении договора в Сенате США была принята резолюция, содержащая следующую оговорку:

«Предусматривается, что условия Договора не будут означать признание за СССР каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 г., которые наносили бы ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как не будут признаваться какие бы то ни было положения в пользу СССР в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении»¹⁷.

Таким образом, по мнению А.А. Кошкина, «усилиями США создавалась странная, если не сказать абсурдная, ситуация, когда Япония отказывалась от указанных территорий как бы вообще, без определения, в чью пользу совершается этот отказ. Конечно же, не случайно американские составители договора предпочли не перечислять в его тексте поименно все Курильские острова, от которых отказывалась Япония, сознательно оставляя для японского правительства возможность предъявить претензии на их часть, что и было сделано в последующий период»¹⁸.

Действительно, к такой аргументации японская сторона прибегает и по сию пору. Официальная позиция Токио по поводу Сан-Францисского мирного договора сводится к следующим тезисам:

1. Южные Курилы никогда не входили в состав островов Тисима, от прав на которые Токио отказался в соответствии с Сан-Францисским мирным договором, следовательно, от «северных территорий», то есть Южных Курил, оккупированных Советским Союзом фактически уже после окончания Второй мировой войны, Япония не отказывалась;

2. Советский Союз отказался подписать Сан-Францисский мирный договор, следовательно, не может, опираясь на этот договор, претендовать на территории, от прав на которые отказалась Япония в соответствии с этим договором¹⁹.

Япония, претендуя на южные острова Курильской гряды, также ссылается на советско-японскую декларацию от 19 октября 1956 г. «О прекращении состояния войны

между двумя государствами и восстановлении дипломатических и консульских отношений», по которой Союз обязался передать о-ва Шикотан и Хабомаи. Но советской стороной выдвигались при этом определенные условия (которые не были соблюдены).

В частности, в Токийской декларации указывалось, что «Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией»²⁰. Советский Союз также не устраивало наличие американских военных баз на территории Японии.

При этом уместно напомнить, что в ходе советско-японских переговоров, которые начались в 1955 г., два года спустя после подписания Соглашения о перемирии в Корейской войне, Япония оказалась под сильным дипломатическим нажимом со стороны Соединенных Штатов, которые не были заинтересованы в нормализации отношений СССР и Японии. В частности, как отмечает К. Хара, Вашингтон убеждал Токио требовать от Советского Союза возврата всех четырех островов (заведомо зная о неприемлемости этого для Москвы), угрожая в противном случае отказаться от возврата Японии Окинавы²¹.

Кстати, в Токийской декларации СССР поддержал стремление Японии стать членом ООН, чего Токио настойчиво добивался много лет. Как отмечает В. Толстой, «С момента основания ООН «двери» этой организации в течение 11 лет не открывались для Японии как побежденной страны. Тесный альянс с США (по договору 1951 г.), значительный экономический рост 1955–1957 гг., нормализация отношений с СССР в 1956 г. — вот основные факторы, прямо или косвенно сказавшиеся на улучшении внешнеполитической репутации Японии и решении проблемы вступления в ООН. Став членом ООН в декабре 1956 г., Токио рассчитывал с ее помощью решить территориальную проблему с СССР, нормализовать отношения с соседями по Юго-Восточной Азии, гарантировать национальную безопасность»²².

Неизменной стратегической целью Японии уже который год является также получение статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН. Принятая на юбилейной, 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюция, исключившая ссылки на «вражеские государства» из статей 53, 77 и 107 Устава ООН, открыла для Японии такую возможность. Но сможет ли Япония добиться этого без достижения примирения и согласия со своими соседями и такими ключевыми членами Совбеза ООН, как Китай?

Ведь там хорошо помнят недавнюю трагическую историю и, как подчеркивает В. Толстой, стремятся «не допустить, чтобы страна, унижавшая Китай и другие страны Азии на протяжении многих десятилетий в XX в., заполучила возделанный статус. Используя негативную в отношении Японии историческую память народов Азии, подхватывая поводы, предоставляемые самой Японией (японские учебники истории, в которых порой искажаются или замалчиваются исторические факты, посещение высшими должностными лицами страны храма, где канонизированы военные преступники, и т.п.), Пекин разворачивает кампанию критики в адрес Токио, чтобы обратить внимание мирового сообщества на неготовность Японии войти в Совет Безопасности ООН на правах постоянного члена»²³.

В отличие от европейского опыта примирения и согласия после Второй мировой войны, основанного на однозначной трактовке исторических событий (включая готовность послевоенной Германии принять на себя вину за нацистское прошлое), страны Северо-Восточной Азии еще ожидают признания исторической ответственности за трагическое прошлое со стороны Японии. Но и здесь можно найти «ловушку», расставленную Сан-Францисским договором. По свидетельству Питера Лоуи, госсекретарь США Дж.Ф. Даллес категорически противился тому, чтобы включить в текст договора статью об от-

ветственности за военные преступления — для того, чтобы не настраивать против себя Токио, видя в нем будущего союзника.

Кроме того, Дж.Ф. Даллес «был участником Парижской мирной конференции 1919 г. и ожесточенных споров по поводу Версальского договора, и это убедило его в том, что включение в договор статьи об ответственности за развязывание войны и военные преступления не служит никакой полезной цели». Члены британского кабинета пытались убедить Вашингтон включить соответствующие положения в Сан-Францисский мирный договор, но «Даллес опять настоял на своем»²⁴.

Это, кстати, был лишь один из череды неприятных сюрпризов Вашингтона для Лондона, который надеялся на то, что участие в антигитлеровской коалиции даст ему право на полноправное участие в механизмах послевоенного мирового порядка (в том числе в регионе Восточной Азии). Но Соединенные Штаты дали ясно понять Великобритании, что предпочитают в этом регионе единоличную гегемонию с опорой на своих региональных сателлитов. И кабинет лейбористов, и затем У. Черчилль на посту премьер-министра пытались бороться с этим, — но безуспешно.

В «ловушке» «холодной войны», расставленной несколько десятилетий назад создателями «Сан-Францисской системы», до сих пор остаются не только российско-японские, но также японо-китайские и японо-южнокорейские отношения, в частности, китайско-японские и корейско-японские споры о принадлежности островов Дяоюйдао (Сенкаку) и Токто (Такэсима). В различных вариантах Сан-Францисского договора, которые готовились, начиная с 1947 г., эти острова то упоминаются, то исчезают, и их принадлежность определяется по-разному. Итоговый вариант договора не упоминает о-ва Дяоюйдао как территории, которые должны принадлежать КНР, Тайваню или Японии; статьи договора с упоминанием о-вов Токто (Такэсима) также дают возможность двоякого толкования того, кому они должны принадлежать — Японии или Корее²⁵.

Китай и Россия, имеющие территориальные споры с Японией, поддержали позицию друг друга в отношении итогов Второй мировой войны и послевоенного мироустройства во время встречи на высшем уровне в Пекине 27–29 сентября 2010 г. Фактически эта поддержка была выражена ранее, на церемонии празднования 65-летия Победы в Москве, на которой присутствовал Председатель КНР Ху Цзиньтао. Президент России тогда отметил, что «некоторые продолжают пытаться переосмыслить события прошлого и результаты Второй мировой войны. Россия и Китай разделяют мнение о том, что эти результаты не могут быть поставлены под сомнение». Председатель КНР Ху Цзиньтао, со своей стороны, подтвердил, что «Россия и Китай сходятся во мнениях при оценке истории Второй мировой войны, и обе страны должны сотрудничать, чтобы отстоять важность и точность исторической правды»²⁶.

В Совместном российско-китайском заявлении от 27 сентября 2010 г. в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны было отмечено, что обе страны приняли на себя удар агрессии и противостояли фашизму и милитаризму. Россия и Китай решительно осудили попытки фальсификации истории Второй мировой войны, прославления нацизма, милитаризма и их сторонников, дискредитации освободителей, подчеркнув, что «пересмотр Устава ООН и других международных документов, итогов Второй мировой войны являются недопустимым»²⁷.

Означает ли это, что Россия поддерживает КНР в ее территориальном споре с Японией? По мнению Г. Кристофферсен: «Если российско-китайское стратегическое партнерство втянется в кризис вокруг Дяоюйдао/Сенкаку, в Восточной Азии может сформироваться новый биполярный порядок, в котором по одну сторону будут Китай и Россия, а по другую — Япония, США, а также, возможно, почти все остальные страны Восточной Азии. В этой биполярности Российская Федерация неизбежно бы выступала в качестве «младшего партнера» при лидерстве Китая. Поэтому ее решение не вмешиваться в спор {по островам}, безусловно, соответствует национальным интересам России»²⁸.

Россия и Китай, которых связывают отношения доверительного стратегического партнерства и взаимодействия, разделяют общее видение итогов Второй мировой войны и вытекающее из него стремление преодолеть наследие «холодной войны» в Восточной Азии. Но при этом российско-китайские отношения не являются традиционным союзническим альянсом в стиле XIX в., который предусматривает чрезмерную взаимозависимость, отношения ведущего и ведомого.

Поэтому Россия не намерена принимать чью-либо сторону в территориальных спорах третьих стран, выступая за то, чтобы они сами решали проблемы путем диалога. Эту позицию вновь подтвердил в ноябре 2013 г. министр иностранных дел РФ С. Лавров, выступая на пресс-конференции по окончанию переговоров в формате «2+2» в Токио: «Мы в принципе никогда не дружим с кем-то против кого-то» (курсив авт.). Мы хотим, и это один из приоритетов внешней политики России, чтобы ни одна страна не ощущала себя дискриминированно, не ощущала рисков для своей безопасности»²⁹.

Близится очередной юбилей окончания Второй мировой войны на Тихом океане. Почти 70 лет назад верные союзническому долгу советские войска принесли освобождение от японской колониальной зависимости народам Восточной Азии. Уже давно разрушена Берлинская стена, ставшая символом разделения Востока и Запада. Но в Восточной Азии «сохранились фундаментальные противоречия и структура конфронтации времен «холодной войны»... Сегодня, 20 лет спустя после ее окончания и 60 лет спустя после подписания Сан-Францисского договора в регионе по-прежнему не разрешены территориальные споры, сохраняется американское военное присутствие, основанное на союзнических альянсах Сан-Францисской системы»³⁰.

Может быть, именно поэтому широковещательно объявленный в 2009 г. курс администрации Б. Обамы на «возвращение в Азию» вызывает вопросы в странах Восточной Азии и АТР — не потому, что ставится под сомнение статус США как азиатско-тихоокеанской державы (как раз в этом мало у кого есть сомнения) — а потому, что такое «возвращение» происходит с опорой на морально и политически устаревшие альянсы и блоки времен «холодной войны»?

Решая вопросы территорий и границ в Восточной Азии после окончания Второй мировой войны, союзнические державы в первую очередь руководствовались своими геополитическими и стратегическими интересами, а не историческими фактами или интересами сторон в территориальных спорах и конфликтах. И с тех пор на протяжении десятилетий историки и эксперты продолжают весьма активно и убедительно доказывать правоту точки зрения «своей» конфликтующей стороны...

Этим спорам не видно конца, и вряд ли историческая полемика, ведущаяся в конфронтационном ключе, приведет к конкретным результатам. Может, пришла пора искать компромисс, приступив к выработке однозначной и непротиворечивой трактовки последствий окончания Второй мировой войны в Восточной Азии и на Тихом океане? Первым шагом в этом направлении могла бы стать, во исполнение Совместного российско-китайского заявления в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны, инициатива российских и китайских ученых и экспертов по учреждению постоянно действующего научно-экспертного международного форума для совместного обсуждения и исследования исторических событий, связанных со Второй мировой войной в Восточной Азии и на Тихом океане и ее последствиями.

1. Hara K. The San Francisco Peace Treaty and Frontier Problems in The Regional Order in East Asia A Sixty Year Perspective // The Asia-Pacific Journal. 2012. Vol. 10, Issue 17, No. 1. URL: <http://www.japanfocus.org/~kimie-hara/3739#sthash.P7JX15qR.dpuf>.
2. Кошкин А.А. Громко говорит «нет»: к истории заключения послевоенного мирного договора с Японией // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2011. № 4(19). С. 131.

3. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72121>.
4. URL: http://rgavmf.ru/lib/cherniavskiy_sf_dogovor_1951.pdf.
5. *Иванов А.В.* Юбилей одной ошибки // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2011. № 4(19). С. 136.
6. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document209956.phtml>.
7. URL: http://rgavmf.ru/lib/cherniavskiy_sf_dogovor_1951.pdf.
8. San Francisco: 50 Years On, Part One, Suntory and Toyota International Centres for Economics and Related Disciplines, // Discussion Paper / London School of Economics and Political Science. 2001. № IS/01/425, Sept.
9. Правда. 1945. 28 дек.
10. *Довгань Е.* Обязательность резолюций Совета безопасности ООН в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств // Белорус. журн. международ. права и международ. отношений. 2004. URL: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=636&Itemid, с. 1, 2, 10.
11. *Торкунов А.В. Денисов В.И. Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа-групп. 2008 С. 138, 139.
12. URL: <http://www.barichev.ru/book/index.php?id=237>.
13. Там же.
14. Советско-китайские отношения, 1917–1957. М., 1959. С. 219.
15. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72121>.
16. URL: http://rgavmf.ru/lib/cherniavskiy_sf_dogovor_1951.pdf.
17. Международное право в избранных документах. М.: Междунар. отношения, 1957. Т. 3. С. 317, 333.
18. *Кошкин А.А.* Указ. соч. С. 133.
19. Цит. по: *Иванов А.В.* Юбилей одной ошибки // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2011. № 4(19). С. 138.
20. Цит. по: URL: http://vff-s.narod.ru/kur/his/k_is01.html.
21. URL: <http://www.japanfocus.org/-kimie-hara/3739#sthash.P7JX15qR.dpuf>.
22. Толстой В. Китайско-японское соперничество в ООН // Журн. международ. права и международ. отношений. 2008. № 3. URL: <http://evolutio.info/content/view/1430/215/>
23. Там же.
24. San Francisco: 50 Years On, Part One, Suntory and Toyota International Centres for Economics and Related Disciplines.
25. *Seokwoo Lee.* The 1951 San Francisco Peace Treaty with Japan and the Territorial Disputes in East Asia // Pacific Rim Law and Policy Journal. 2002. Vol. 11, № 1. С. 63.
26. URL: www.news.kremlin.ru/transcripts/7689/
27. Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны». URL: www.news.kremlin.ru/ref_notes/720/
28. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/?id_4=694.
29. Независимая газ. 2013. 8 нояб.
30. *Hara K.* Op. cit.